

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М. А. Лукацкий

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОИСКА

УДК 37(09)(075.8)
74.03(3)

В статье представлен один из разделов учебного пособия «История педагогики: теоретическое введение»¹ котором история педагогики рассматривается как одна из ветвей исторического познания, а историко-педагогическое исследование как поисковая деятельность, преследующая цель реконструкции событий прошлого.

Ключевые слова: историческое познание; исторический источник; исторический факт; история педагогики.

M. A. Lukatskiy

HISTORICAL AND EDUCATIONAL RESEARCH AS ONE OF DIRECTIONS OF HISTORICAL SEARCH

This article presents one of the sections of the textbook “History of Education: theoretical introduction” where the history of pedagogy is considered as one of the branches of historical knowledge and historical and pedagogical research as a search activity with the purpose of reconstruction of the past.

Key words: historical knowledge, historical source, a historical fact, the history of pedagogy.

Понятие «культура» относится к числу фундаментальных в современном общественном знании. Это связано с тем, что оно выражает глубину и своеобразие человеческого бытия.

В той же мере, в какой неисчерпаем и разнолик человек, многогранна и многоаспектна культура. Культуру часто определяют как «вторую природу», подчеркивая акт ее челове-

¹ Корнетов, Г. Б. История педагогики : теоретическое введение : учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. / Г. Б. Корнетов, М. А. Лукацкий ; под ред. Г. Б. Корнетова. – М. : АСОУ, 2015. – 492 с. – (Сер. «Историко-педагогическое знание». Вып. 87).

ческого творения. Для того чтобы создать культуру, человек должен был обрести некий дар, способность создавать то, что не закреплено в его видовой программе. По мнению известного французского культуролога А. де Бенуа, «культура — это специфика человеческой деятельности, то, что характеризует человека как вид. Напрасны поиски человека до культуры, появление его на арене истории надлежит рассматривать как феномен культуры. Она глубочайшим образом сопряжена с сущностью человека, является частью определения человека, как такового»¹. Человек и культура, как отмечает А. де Бенуа, нерасторжимы, как растение и почва, на которой оно произрастает.

Функцию приобщения каждого нового поколения к культуре выполняет образование. Оно являет собой выработанный в контексте истории инструмент трансляции культуры. Образование позволяет сохранять историко-культурную преемственность, распространять в массовом масштабе социально значимые знания и приобретенный человечеством опыт. От эффективности образования зависит степень включенности людей в мир культуры, мера сугубо человеческого в человеке. Этим и определяется роль и место образования в жизни людей.

Педагогика как научная дисциплина призвана исследовать проблемы, связанные с организацией образовательного процесса, отвечающего требованиям и вызовам времени.

Педагогике вменяется в обязанность описание и объяснение того, каким образом надо осуществлять отбор содержания транслируемого социокультурного опыта, какими методами следует пользоваться для передачи его учащимся. Она должна быть в состоянии прогнозировать результаты образовательной деятельности и изменений пространства мира образования, вызываемых политическими, экономическими и социальными факторами. Чтобы решить эти сложные задачи, педагогика должна обладать стройным научным аппаратом, действенными научными методами, отработанной и разветвленной методологией.

В современных динамичных условиях педагогическая наука стала сверхсложной подсистемой культуры, обладающей высокой степенью самоорганизации, расширенным воспроизводством, подсистемой, результаты деятельности которой являются фундаментом развития образования — одного из главных институтов культуры.

И образование, и педагогическая наука прошли длинный путь своего развития, двигаясь по которому, они неоднократно меняли траекторию и скорость перемещения, свой облик, понимание главных целей, представления о себе, своей роли и месте в пространстве социокультурного бытия людей. К сожалению, мы пока не располагаем всеми необходимыми для реконструирования этого пути сведениями. Получением таких достоверных сведений и восстановлением на

¹ Benoist A., de Lesidées à l'endroit. P., 1979. P. 217.

их основе подлинной картины пути развития образования и педагогической науки и занимается дисциплина, именуемая историей педагогики.

История педагогики — одна из ветвей исторического познания. На проведение историко-педагогических исследований распространяются все те требования, которые предъявляются к процедуре получения научных знаний о прошлом.

Историко-педагогическое исследование, как и любое другое историческое исследование, — это методологически и методически выверенная поисковая деятельность, преследующая цель реконструирования событий прошлого. Так как о методологическом оснащении исторических исследований уже говорилось ранее, то здесь целесообразно остановиться на рассмотрении вопросов, связанных с методическим обеспечением процесса исторического поиска.

Исторические источники являются носителями информации, на основе которой историк реконструирует изучаемую им реальность минувшего. Этим и обусловлено то внимание, которое уделяется историками поиску источников, их отбору, правилам работы с ними. Известный британский историк Д. Тош называет источники сырьем и проводит аналогию между деятельностью историков и трудом умелых мастеровых, пользующихся добротными способами для превращения сырья в утонченное изделие¹.

Исторический источник — это единственная реальность, связывающая историка с прошлым. Только опираясь на эту реальность, историк может формулировать утверждения о событиях минувшего. И только утверждения, сделанные историком на основе изучения источника, могут считаться научными, то есть такими, к которым приложимы критерии достоверного и подтвержденного фактами знания.

Вполне допустимо говорить о том, что историк зависит от источника. Его (источник) нужно найти, сделать доступным для других историков, проинтерпретировать так, чтобы доводы, приводимые в пользу высказываемых по поводу данного источника соображений, можно было бы перепроверить.

Источник — плод деяний человека, он есть объективированный результат этих деяний. За каждым источником — мысли и желания человека, его поведенческая активность. Выявление их, проникновение в «жизненный мир»² того, чьи деяния объективированы в источнике, — задача, которую и ставит перед собой историк-исследователь. «Историк, — пишет об этом Р. Дж. Коллингвуд, — исследуя любое событие прошлого, проводит грань между тем, что можно назвать его внешней и внутренней стороной. Под внешней стороной события я подразумеваю все, относящееся к нему, что может быть описано в

¹ См.: Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Д. Тош. — М. : Изд. «Весь мир», 2000. — 296 с.

² *Жизненный мир* — понятие, введенное Э. Гуссерлем; *жизненный мир* — это коррелят опыта и деятельности человека в повседневной жизни.

терминах, относящихся к телам и их движениям: переход Цезаря в сопровождении определенных людей через реку, именуемую Рубикон, в определенное время или же капли его крови на полу здания сената в другое время. Под внутренней стороной события я понимаю то в нем, что может быть описано только с помощью категорий мысли: вызов, брошенный Цезарем законам Республики, или же столкновение его конституционной политики с политикой его убийц. Историк никогда не занимается лишь одной стороной события, совсем исключая другую. Он исследует не просто события (простым событием я называю такое, которое имеет только внешнюю сторону и полностью лишено внутренней), но действия, а действия — единство внешней и внутренней сторон события. Историк интересуется переходом Цезаря через Рубикон только в связи с его отношением к законам Республики и каплями крови Цезаря только в связи с их отношением к конституционному конфликту. Его работа может начаться с выявления внешней стороны события, но она никогда этим не завершается; он всегда должен помнить, что событие было действием и что его главная задача — мысленное проникновение в это действие, проникновение, ставящее своей целью познание мысли того, кто его предпринял»¹.

Источник — эмпирический базис исторической науки. Без источника

нет, и не может быть никакой истории. Как самостоятельная дисциплина источниковедение сложилось во второй половине XIX — начале XX в. Труды И. Г. Дройзена «Историка», Э. Бернгейма «Введение в историческую науку», Э. Фримена «Методы изучения истории», «Сравнительная политика и единство истории», Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории», Н. И. Кареева «Историка: теория исторического знания», А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» составили теоретическую основу этой научной дисциплины.

Работа с источниками — это кропотливая деятельность, включающая в себя операции по установлению его подлинности и его информационных возможностей; по выявлению историко-культурных обстоятельств, в контексте которых он появился; по анализу содержания источника и его интерпретированию².

Только такая работа и позволяет ученому устанавливать исторические факты, являющиеся строительным материалом для исторической науки, «кирпичами» из которых реконструируется прошлое. Исторический факт — это то, из чего состоит историческая наука, это та субстанция, которая определяет природу этой науки.

Факт нетождественен источнику. Изучая источник, историк еще не имеет дела с фактом. Источник в

¹Коллингвуд Р. Дж. Указ.соч. С. 203.

²Для того, чтобы «стать историком, — писал отечественный мыслитель и историк Л. П. Карсавин, — необходимо проделать “черную работу”, пережить годы искуса, изучать источники, пока они не “заговорят”, пока в них не явит себя само историческое» (Карсавин Л. П. Философия истории. — СПб., 1993. — С. 216).

лучшем случае — «моментальная фотография» минувшей действительности, она свидетельствует лишь о ряде сторон произошедшего в прошлом события, но уж никак не о всей его полноте. «Источники, — говорится в «Словаре историка», — представляют собой совокупность следов, оставленных субъектами прошлого и служащих основой для работы исследователя. Для историка любой документ или предмет — остатки пищи, топонимы, надписи, изображения, тексты и т. д. — могут стать источниками при условии правильной их критики. Историк работает, собирая *корпус* (совокупность) источников, в наибольшей мере соответствующий целям его исследования. <...> Корпус источников сам по себе никогда не бывает хорошим или плохим; все зависит от вопросов, которые ему задают, от умелой его обработки и от способности объяснить его происхождение»¹. Сведения, почерпнутые из достоверного источника, укладываются ученым на имеющееся у него теоретическое видение сути исторического процесса, осмысливаются, истолковываются и только после этого становятся историческим фактом.

Факт устанавливается историком, без историка нет исторического факта. Факта самого по себе, вне теоретического осмысления и интерпретирования историком информации, содержащейся в источнике, не существует. Исторический факт всегда обусловлен и данными источника, и теоретическими воззрениями историка, и, конечно

же, уровнем развития самой исторической науки, характерным для культурной ситуации той или иной эпохи. Современные историки далеки от позитивистской установки второй половины XIX в., разделяемой Т. Момзеном, Л. Ранке, Ф. де Куланжем и др., согласно которой кропотливый поиск фактов, «говорящих сами за себя», в ходе аналитической и критической работы с источником и составляет основное дело историка-ремесленника. Представление о том, что факт пребывает, содержится в источнике, что обнаружение подлинного источника, по существу, уже есть основной шаг к установлению достоверного факта, сегодня мало кем из историков разделяется. И, соответственно, описание «чистых», «голых» фактов, к чему призывали позитивистски настроенные историки второй половины XIX в., почти не практикуется в современной историографии. Фактические данные источника рассматриваются историком сквозь призму его теоретических взглядов, истолковываются им, лишь затем становясь историческим фактом.

Уже в начале XX в. историки, испытавшие серьезное влияние позитивистских идей О. Конта и Г. Спенсера, были вынуждены признать, что добывание, извлечение из источника «чистых», «голых» фактов всегда сопряжено с теоретической деятельностью историка. Вот как об этом, к примеру, писал отечественный историк и философ Н. И. Кареев, в

¹ Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта ; при участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля; пер. с фр. — М., 2011. — С. 74–75.

чем научном мировоззрении значимое место занимали позитивистские установки: «Обозначим исторический факт как сумму отдельных элементов a, b, c, d, e, f, g, h , выразим его формулой $a + b + c + d + e + f + g + h$, а затем представим себе, что о некоторых слагаемых, напр. a, d, f, g , у нас нет никаких данных, а о некоторых других есть лишь отрывочные данные; тогда все наше знание о факте выразится, положим, такой формулой: $b + c/2 + c/3 + h$. Конечно, такое знание не будет полным, явится знанием с множеством пробелов, которые историк-художник или исторический романист восполнит работой своего воображения, а историк-ученый или мыслитель постарается восполнить путем логических рассуждений. То, что у историков нередко есть по части достоверных данных о каком-либо событии, я сравнил бы с остатками художественного мозаичного портрета, из которого вывалилось и затерялось множество кусочков, входивших в состав мозаики, так что в изображении оказались ничем не заполненными некоторые места, а иные пробелы притом образовались в особенно важных пунктах. Впрочем, бывает и еще хуже, когда сохранившиеся кусочки не остались на своих местах, а беспорядочно смешались в одну кучу. Археологам и такие случаи хорошо известны, когда, например, приходится прилаживать один к другому черепки редкостного сосуда, чтобы потом, когда все сложено, их склеить и получить сосуд в его настоящем виде, хотя бы и не без некоторых изъянов. Нередко и историк стоит (и даже чаще, чем многие

думают) перед таким же склеиванием отдельных кусочков для получения некоторого, хотя бы и попорченного целого. О многих фактах прошлого мы даже узнаем не потому, что о них сохранились прямые известия, а потому, что ученые историки воссоздали эти факты, надлежащим образом комбинируя разрозненные свидетельства, относящиеся к другим фактам. <...>

Без работы воображения не обходится, в тех или других размерах, ни одна наука, но воображение воображению рознь: одно оно у поэта, совсем другое — у ученого. И в поэзии, и в науке оно носит в себе творческое начало, но в науке творчество менее свободно, более зависит от фактов и ближе подходит к логическому процессу, нежели в поэзии, да и результаты получаются разные. Автор исторического романа или исторической драмы может вообразить и очень живо и ярко изобразить какую-нибудь характерную для эпохи сцену, о которой, однако, не только не упоминается ни в одном источнике, но которой на самом деле никогда не было, то есть которая родилась в голове самого поэта, как плод его творческой фантазии. Дозволенное и в исторической работе воображение так далеко идти не может: историк не позволит себе сочинять то, чего заведомо не было, а если и внесет в свое повествование что-либо такое, о чем прямо не говорится ни в одном источнике, то лишь в качестве логического вывода из тех или других научно обоснованных посылок. Так он будет поступать и тогда, когда займется скрытыми фактами, и когда путем умозаключений из ряда

мелких, но разбросанных черт сумеет воссоздать какой-либо крупный факт, непосредственно не засвидетельствованный никаким источником»¹.

К середине XX в. попытки трактовать понятие «исторический факт» в идейном ключе, предложенном «первым позитивизмом», были исчерпаны. Большую роль в удалении позитивистских трактовок исторического факта со сцены исторической науки сыграли труды ученых школы «Анналов». Они обстоятельно доказали, что уповать на «красноречие» источника в процессе поиска фактов нельзя, так как источник сам по себе нем и для того, чтобы добыть из него необходимые для проведения исследования сведения, надо заранее сформулировать вопросы, на которые он должен ответить.

Первым об этом стал говорить М. Блок, сыгравший ключевую роль в становлении школы «Анналов». Будучи убежденным в том, что без вопрошания источников нет и самих исторических повествований, он писал: «Многие люди, и среди них, кажется, даже некоторые авторы учебников, представляют себе ход нашей работы до странности наивно. Вначале, мол, есть источники. Историк их собирает, читает, старается оценить их подлинность и правдивость. После этого, и только после этого, он пускает их в дело. Но беда в том, что ни один историк так не действует. Даже когда ненароком воображает, что действует именно так.

Ибо тексты или археологические находки, внешне даже самые ясные и податливые, говорят лишь тогда, ког-

да умеешь их спрашивать. Кремневые орудия в наносах Соммы изобиловали как до Буше де Перта, так и потом. Но не было человека, умеющего спрашивать, — и не было доисторических времен. Я, старый медиовист, должен признаться, что для меня нет чтения увлекательней, чем какой-нибудь картулярий. Потому что я примерно знаю, о чем его спрашивать. Зато собрание римских надписей мне мало что говорит. Я умею с грехом пополам их читать, но не опрашивать. Другими словами, всякое историческое изыскание с первых же шагов предполагает, что опрос ведется в определенном направлении. Всегда вначале — пылкий дух. Ни в одной науке пассивное наблюдение никогда не было плодотворным. Если допустить, впрочем, что оно вообще возможно.

Да, не будем поддаваться первому впечатлению. Бывает, конечно, что вопросник остается чисто инстинктивным. Но все равно он есть. Ученый может даже не сознавать этого, а между тем вопросы диктуются ему утверждениями или сомнениями, которые записаны у него в мозгу его прошлым опытом, диктуются традицией, обычным здравым смыслом, то есть — слишком часто — обычными пред-рассудками. Мы далеко не так восприимчивы, как нам представляется. Нет ничего вредней для начинающего историка, чем советовать ему просто ждать в состоянии бездействия, пока сам источник не пошлет ему вдохновение. При таком методе многие вполне добросовестные изыскания потерпели

¹ Кареев Н. И. Историка: теория исторического знания. — Пг., 1916. — С. 88, 93.

неудачу или дали ничтожно мало.

Нам, естественно, необходим этот набор вопросов, чрезвычайно гибкий, способный по пути обрести множеством новых пунктов, открытый для всех неожиданностей — и все же такой, чтобы он мог сразу же служить магнитом для опилок документа. Исследователь знает, что намеченный при отправлении маршрут не будет выдержан с абсолютной точностью. Но без маршрута ему грозит вечно блуждать наугад¹.

Исторический факт — это продукт исследовательской деятельности, а не только то, что наличествует в источнике и само о себе говорит, обращает на себя внимание. Если полагать, что сведения, содержащиеся в источнике и обращающие на себя внимание, — это тот круг данных, который только и подлежит рассмотрению, то даже вопрос о происхождении источника, в случае отсутствия в нем соответствующей информации, нельзя ставить и прояснять. И таких вопросов великое множество. Прошлое, усекаемое позитивистским видением, считали представители школы «Анналов», — это калейдоскоп самостоятельных и не стыкующихся друг с другом данных, собрание которых никак нельзя называть историей, так как в настоящей истории, в отличие от псевдоистории, все связано со всем.

Строя гипотезы о том, какие связи сцепляли прошлое в одно нерасторжимое целое, и, проверяя их на

материале, предоставляемом источниками, историк-исследователь обретает возможность видеть минувшее не как совокупность разрозненных свидетельств, а как «тотальность», в которой все связи: экономические, социальные, культурные — переплетены и взаимообусловлены.

Л. Февр — один из основателей школы «Анналов» заявлял, что в исторической науке выдвижение гипотезы, «постановка проблемы» есть «начало и конец всякого исторического исследования»². «Всякая история, — писал он, — есть выбор... в силу того, что историк сам создает материалы для своей работы или, если угодно, воссоздает их: он не блуждает наугад по прошлому, словно тряпичник в поисках случайной наживы, а отправляется в путь, имея в голове определенный замысел, проблему, требующую разрешения, рабочую гипотезу, которую необходимо проверить»³. Исторический факт в контексте такого видения — это то, что подтверждает выдвинутую историком-исследователем гипотезу о цементирующих прошлое связях.

Серьезное влияние на понимание того, что есть исторический факт, оказали герменевтические идеи, занявшие во второй половине XX в. прочные позиции в теоретических конструкциях гуманитарных и общественных наук.

Сознание любого человека, в том числе, конечно же, и ученого, всегда детерминировано той культурно-исто-

¹ Блок М. Указ.соч. С. 38–39.

² Февр Л. Бои за историю / Л. Февр. — М.: Наука, 1991. — С. 28.

³ Там же. С. 14.

рической ситуацией, в которой он пребывает. Вырваться из нее, порвать с ней и оказаться за ее пределами не под силу никому. Человек всегда находится внутри конкретной культурно-исторической ситуации, что и обуславливает ситуативность понимания им всего того, с чем он имеет дело. Сознание человека не может быть освобождено, очищено от связи с исторической традицией, с культурой, в которой оно сформировалось. Несвобода человеческого сознания от исторических и культурных напластований делает его предпосылочным, предвзятым, «пред-рассудочным»¹, то есть заставляющим видеть мир сквозь установки исторического предания и образы культуры, укорененные в глубинных (дотеоретических, «пред-рассудочных») структурах сознания.

Ситуативность и «пред-рассудочность» человеческого мышления следует рассматривать не как препятствие, а как необходимый компонент и условие понимания исторических и культурных явлений. С таким призывом и обратились к научной обществу ученые, видевшие в герменевтике твердую опору в познании исторических и культурных реалий бытия людей.

Когда историк, находящийся «здесь» и «сейчас», ведет наблюдение

за прошлым, рассматривает с конкретной позиции то, что уже было, тогда он видит прошлое в отраженном ментальными установками свете. По-другому не бывает. Все то, что видно историку, всматривающемуся под определенным углом зрения в прошлое, составляет его исследовательский «горизонт»². Этот горизонт — «не застывшая граница»³, а нечто такое, что передвигается вместе с историком, движется вместе с ним.

Для историка понимание минувшего — это нахождение ответов на те вопросы, которые задают ему свидетельства прошлого, оказавшиеся в поле его исследовательского горизонта. «Лишенный горизонта видит недостаточно далеко и потому переоценивает близлежащее. Наоборот, обладать широтой горизонта означает: не ограничиваться ближайшим, но выходить за его пределы. Обладающий широтой горизонта способен правильно оценить значение всех вещей, лежащих внутри этого горизонта, с точки зрения удаленности и близости, большого и малого»⁴.

Герменевтические идеи, активно воздействовавшие на формирование облика исторической науки второй половины XX в., еще сильнее заставили ученых усомниться в возможности обретения объективных, независимых от

¹ Понятие, используемое Х.-Г. Гадамером в рассуждениях о герменевтическом постижении истории, а также о действительности сознания людей минувших эпох, запечатленной в дошедших до нас текстах.

² В своих произведениях Х.-Г. Гадамер использует понятие «горизонт», введенное Э. Гуссерлем и М. Хайдеггером. «Горизонт — поле зрения, охватывающее и обнимающее все то, что может быть увидено из какого-либо пункта» (См.: *Гадамер Х.-Г.* Указ.соч. С. 358).

³ *Гадамер Х.-Г.* Указ.соч. С. 296.

⁴ Там же. С. 358.

сознания исследователя фактов прошлого. Понятие «исторический факт» все больше стало увязываться со своеобразием понимания человеком себя, других людей, культур, исторических эпох. Оно оказалось связанным не только с источником (свидетельством минувшего), как думали историки-позитивисты, и со стратегией познания прошлого, как полагали, к примеру, представители школы «Анналов», но и с самим исследователем, с присущими ему способами понимания исторической действительности, как считали ученые-историки, разделявшие герменевтические взгляды.

Постмодернизм рубежа XX—XXI вв. наложил на трактовки понятия «исторический факт» дополнительный груз неопределенности. Постмодернистская ситуация в исторической науке способствовала тому, чтобы в определении этого понятия были учтены, помимо источника стратегии познания прошлого, специфики понимания ученым событий минувшего и процедуры работы с источником как с носителем информации, закодированной ушедшей эпохой. Исторический факт напрямую зависит от используемых историком процедур раскодирования и декодирования сообщений минувшего, содержащихся в знаковой форме в источнике, и не замечать и не учитывать этого исторической науке нельзя, — такой вердикт был вынесен учеными-историками, ставшими проводниками постмодернистских идей, основательно раскрывших собою поле гуманитарных и общественных наук последней трети XX — начала XXI в.

Установленные исторические факты, независимо от того, какую понятийную мерку к ним прикладывали и сквозь какую оптику они были увидены, есть те опорные сваи, на которых держится и выстраивается конструкция любого исторического повествования. Знание исторического повествования может быть возведено только при наличии исторических фактов, выполняющих функцию несущих опор этой конструкции, в противном случае история как научная дисциплина, имеющая доказательную силу, просто перестает существовать.

Для того чтобы стать прочной опорой исторического повествования, отдельные факты должны быть увязаны друг с другом, объединены идейной канвой. Только в таком случае историческое повествование не несет на себе следов мозаичности и разорванности, а приобретает черты целостности и обоснованности. Никаких общих для всех историков способов идейной «сплавки» фактов нет и, по всей видимости, никогда и не будет. Нахождение способа концептуального связывания фактов — творческая задача, стоящая перед каждым историком, и только после ее решения у него появляется реальная возможность описывать то, что случилось в прошлом.

Описание — это реконструкция исторического момента, отражающая в той или иной степени его полноту и сложность, выполненная с помощью литературных средств. Используя литературный инструментарий, пишет Д. Тош, «историк пытается создать у читателей иллюзию непосредственного присутствия, воспроизводя атмосферу

и “расставляя декорации”. Огромное количество “средненьких” исторических трудов показывает, что такого эффекта нельзя добиться одним умением разбираться в источниках. Для этого необходимы игра воображения и способность подмечать детали сродни тем, которыми обладают писатели и поэты. С такой аналогией согласился бы любой из великих мастеров описательной истории, творивших в XIX в., таких, как Маколей и Карлейль, испытывавших большое влияние художественной прозы своего времени и уделявших огромное внимание стилю своих трудов. Современных историков не отличает столь осознанная “литературность”, но и они способны создавать необыкновенно яркие описания — свидетельством тому может служить нарисованная Броделем панорама Средиземноморья XVI в. Кем бы еще ни считать таких историков, они, несомненно, являются художниками...»¹.

Развернутую характеристику того, что есть исторического описание, дает современный французский историк А. Про в книге «Двенадцать уроков по истории», выдержки из которой приведены ниже. В книге, написанной с некоторой долей иронии, нужной только для того, чтобы она живее воспринималась читателем, он отмечает: «Текст историка представляет, прежде всего, как цельный текст. Это — следствие самого его построения, придания ему формы интриги... Текст... начинается с одной даты и с неумолимостью идет к другой, каковы

бы ни были отклонения от заданного направления, предпринимаемые историком для того, чтобы сделать интригу интереснее... Обосновав хронологию своей темы (если, конечно, он это сделал, хотя ему следовало бы всегда это делать), историк пишет так, как если бы завязка и развязка разумелись сами собой...».

Особенность исторического текста, продолжает А. Про, состоит в том, что он «берет в скобки личность историка. “Я” упраздняется. Самое большее, оно иногда появляется в предисловии, когда автор... разъясняет свои намерения. Но как только доходят до сути дела, “я” исчезает. Высказывания, которые историк представляет в качестве фактов (А есть В), исходят от него самого (Н говорит, что А есть В), но он держится в тени и появляется лишь изредка — либо в каких-то определенных местах (начало или конец главы, сноски и споры с другими историками), либо в смягченной форме: “мы”, объединяющее автора и читателей или адресуемое ко всей корпорации историков... Кроме того, историк старается не вмешиваться в свой текст, не занимать чью-то сторону, не возмущаться и не волноваться... По существу, законченное произведение предлагает читателю одни лишь объективированные высказывания, анонимный дискурс Истории; оно состоит из высказываний без высказывания».

А. Про констатирует, что с помощью бесчисленных отсылок к трудам других историков автор историчес-

¹ Тош Д. Указ соч. С. 131–132.

кого повествования «хочет не только обозначить свою принадлежность к профессии; он дает понять, что его текст является частью своего рода коллективного гипертекста, который он призван в некоторых отношениях дополнить, в некоторых — опровергнуть, а в ряде случаев — обновить. Чаще всего он ограничивается тем, что по своему воспроизводит этот коллективный дискурс, не добавляя в него, по существу, ничего нового, но при этом непременно ссылаясь на его авторитетность. Текст историка — нечто большее, чем просто *текст*: это элемент превосходящего и поглощающего его *целого*...

При таком раскладе справочный аппарат играет двойную роль... С одной стороны, он делает возможной проверку того, о чем говорится в тексте; и в этом смысле из-за него текст как бы проигрывает в своей авторитетности. Наличие справочного аппарата означает: «То, что я говорю, изобрел не я; пойдите и посмотрите сами, и вы придете к тем же выводам». Но, с другой стороны, оно является наглядным свидетельством научности и выставлением напоказ учености автора и в этом смысле может служить доводом в пользу его авторитетности...

В историческом тексте эпизодически появляются фрагменты чужих текстов, иногда взятые из работ других историков, но чаще всего — из документов того времени, хроник и свидетельств. Текст историка включает в себя (*comprend*) в двойном смысле — материальном и интерпре-

тационном — слова другого или даже нескольких других. Но эти слова вырезаются, расчленяются, разбираются и вновь собираются историком, находящим им новое применение в том месте, которое он сам для себя выбрал в соответствии с нуждами собственного дискурса... цитаты служат удостоверению или подтверждению: то, что говорит историк, берется им не из собственного запаса знаний, это уже было сказано до него очевидцами событий. Цитаты служат ему щитом, защищающим от возможных опровержений. Кроме того, они выполняют представительскую функцию: вместе со словами другого в дискурс вводится реальность удаленного времени»¹.

Целями исторической науки являются воссоздание и истолкование прошлого. Инструменты воссоздания прошлого — описание, повествование, инструмент истолкования прошлого — объяснение. Историческое объяснение — это ответ на вопрос «почему» в жизни отдельного человека или в жизни человеческого сообщества произошло то, что произошло, «почему» случилось то, что случилось.

Историческая наука, отвечая на вопрос «почему», ищет причину, обусловившую появление того или иного исторического события, но ищет ее не так, как в науках о природе. В них изучается то, как одни и те же причины, действующие в одних и тех же экспериментальных условиях, приводят к одним и тем же следствиям. Историческая же наука, тщательно зондируя источники прошлого, уз-

¹ Про, А. Двенадцать уроков по истории / А. Про. — М. : РГГУ, 2000. — С. 276–281.

нает только о следствиях, о том, что произошло, но не узнает о том, чем и кем они (эти следствия) были вызваны к жизни. Она, в отличие от наук о природе, движется не от причины к следствию, а от следствия к причине. Путь исторической науки пролегает не по дороге, ведущей от причины к следствию, а по дороге, направляющей ее от случая к тому, что этот случай произвело. Добираться до причины ей приходится в ходе исторического исследования. Об этой особенности исторической науки еще в конце XIX в. обстоятельно говорил П. Лакомб.

В исторических трудах встречаются разные виды объяснений сути произошедших в прошлом событий. То, как в исторической науке объясняются события минувшего, не совпадает с тем, как это осуществляется в естественных науках. В них под объяснением понимается совокупность рассуждений и умозаключений, устанавливающих жесткую связь между объясняемым событием, объясняющим законом (выявленный устойчивый тип отношений, получивший теоретическое оформление) и исходными условиями, в которых это событие было зафиксировано. Такое объяснение неприемлемо для исторической науки в связи с тем, что в ней нет объясняющих законов, никакие события никогда в точности не повторяются, и условия, в которых они происходят, всегда отличаются друг от друга.

Какие же виды объяснений присущи историческому дискурсу? Один из ответов на этот вопрос был дан в

середине XX в. К. Г. Гемпелем, представителем логического позитивизма. «Историческое объяснение, — пишет он, — ...имеет целью показать, что рассматриваемое событие было не просто “делом случая”, но ожидалось в силу определенных предшествующих или одновременных условий. Ожидание, на которое ссылаются, не является пророчеством или божественным предсказанием; это — рациональное научное предчувствие, основывающееся на предположении об общих законах». Такие рациональные предчувствия К. Г. Гемпель называет универсальными гипотезами и приводит их примеры: *«Люди, имеющие работу, не хотят ее потерять; те, кто обладает определенными трудовыми навыками, не хотели бы переквалифицироваться; те, кто привыкли к осуществлению каких-либо властных функций, не хотели бы потерять контроль, они хотели бы получить большую власть и, соответственно, больший престиж... Однажды созданные правительственные офисы и бюро, в силу институализации, не только защищают себя от нападений, но стремятся расширить сферу своей деятельности».* Ученый в историческом источнике находит сведения о событии, определяет по источнику, в каких конкретных условиях произошло это событие, а затем устанавливает связь между событием, условиями и одной из универсальных гипотез, получая тем самым объяснение случившегося. Однако, замечает К. Г. Гемпель, такое объяснение мо-

жет быть лишь «названо наброском объяснения»¹.

Иное понимание сущности исторического объяснения было предложено в середине XX в. У. Дреем, канадским философом, автором трудов по философии истории. Его представления об объяснении в исторической науке разительно отличаются от взглядов К. Г. Гемпеля, которые У. Дрей назвал «теорией охватывающих законов». У. Дрей исходит из того, что объяснение в исторической науке — это объяснение поступков конкретных исторических деятелей, и для этого не нужны «охватывающие законы» — плоды фантазии отдельных историков, не имеющие никакого эмпирического подтверждения.

Для того чтобы объяснить поступок человека, настаивает У. Дрей, — необходимо знать, носителем каких убеждений тот является, какими мотивами он руководствуется, когда принимает решение действовать определенным образом. Для внешнего наблюдателя, не располагающего данными об убеждениях и мотивах поведения человека, его деяния могут казаться безумными, импульсивными, бессмысленными или, наоборот, разумными, продуманными, целесообразными. Только зная убеждения человека, мотивы, движущие им, можно «взвесить» его поступок на весах рациональности.

Если человек поступает согласно своим убеждениям, строит поведение в соответствии со своими побуждающими действовать мотивами, то, с

его точки зрения, совершаемый им поступок рационален. Разобраться в том, рационален (оправдан, осмыслен) поступок с точки зрения самого деятеля или нет, и должен историк, пытающийся объяснить события прошлого. «Теории охватывающих законов, — пишет У. Дрей, — недостает должной восприимчивости к тому *понятию* объяснения, которым обычно пользуются историки... Задача объяснения — разрешение какого-то затруднения. Когда историк приступает к объяснению некоторого действия, он сталкивается с целым рядом трудностей, так как он не знает мотивов, лежащих в его основе. Поэтому, для того чтобы понять это действие, он стремится получить какую-то информацию о том, как данный исторический деятель оценивал свое объективное положение (причем сюда входит и оценка им вероятных последствий различных линий поведения, открытых для него), равно как и информацию о том, чего он намеревался достичь, предпринимая то или иное действие, то есть сведения о его целях, планах или мотивах. Понимание действия возникает у историка только тогда, когда он устанавливает разумность поступков данного человека в свете его собственных представлений и планов... При подобном подходе к объяснению имеется прямая связь между пониманием поступка человека и осознанием его рациональности... Показать необычность некоторого действия — не то же самое, что показать его бессмысленность. Аналогичным образом показать, что действие совер-

¹ Гемпель, К. Г. Логика объяснения / К. Г. Гемпель. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1988. — С. 21–22, 24.

шается в соответствии с определенным порядком, — не то же самое, что показать его осмысленность»¹.

Объяснение, которое стремится установить связь между убеждениями, мотивами и поступками, было названо У. Дреем «рациональным объяснением».

Оригинальное видение того, что собой представляет историческое объяснение, предложил во второй половине XX в. Г. Х. фон Вригт, финский логик и философ. Он вслед за У. Дреем полагал, что поведение отдельного индивидуума оправданно объяснять целевыми установками и мотивами, которыми тот руководствуется, осуществляя свои деяния. Такое объяснение, усматривающее причину поведения во внутреннем мире человека, в его целевых и мотивационных установках, Г. Х. фон Вригт именовал телеологическим и считал уместным для использования историком в том случае, когда тот ведет речь о событиях «микроуровня».

Для объяснения же таких «макрособытий», как революция, война и т. д., телеологическое объяснение не подходит. «Крупные события» в истории могут быть объяснены каузально², утверждал Г. Х. фон Вригт. В исторической науке используются каузальные объяснения, нужно только хорошо понимать, говорит Г. Х. фон Вригт, какие причины и какие следствия могут связываться в ходе проведения исторического исследования.

Смысл своего понимания сути каузального объяснения он раскрывает на ряде примеров в работе «Объяснение и понимание». Один из таких примеров: «В результате раскопок археолог обнаружил руины античного города. Он приходит к выводу, что около х года на город, по-видимому, обрушилась катастрофа и он был фактически разрушен. Что явилось причиной такого разрушения?.. Утверждение, что город был разрушен людьми, означает, что разрушение города вызвали некоторые события, вытекающие из действий людей. Эти события явились причинами независимо от того, что они были также и результатами действий».

Разрушение города может представлять интерес для историка по разным причинам, например, потому, что это событие имело последствия для культурного, экономического или политического развития соседних городов или государств. Именно такие «следствия» и интересны... Разрушение города может стать предметом изучения, поскольку историк видит в этом событии «причину» других известных событий той эпохи».

Физические причины, по которым развалились дома, и другие аналогичные причины, вызвавшие разрушения, но не связанные с действиями людей, историка не интересуют. Если в ходе исторического исследования было выяснено, «что разрушение города было актом зависти или мести со стороны соседнего города и в свою очередь это

¹ Дрей, У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке / У. Дрей // Философия и методология истории: сб. статей. — М.: Прогресс, 1977. — С. 41.

² Каузальность (лат. causalis) — то есть причинность; причинная взаимообусловленность событий во времени.

разрушение оказалось экономическим бедствием для всего региона», то тем самым была установлена «связь между соперничеством двух городов и последующими изменениями в экономической жизни региона. Именно такого рода связь и интересует историографа»¹. Выявление такой связи и означает, по мысли Х. Г. фон Вригта, формулирование историком каузального объяснения.

Тема, касающаяся объяснения в истории, часто становилась во второй половине XX в. предметом жарких дискуссий. В ходе этих дискуссий нашли теоретическую поддержку и каузальные, и рациональные объяснения, и объяснения, апеллирующие к «охватывающим законам».

Описания и объяснения прошлого, составляющие тело исторического повествования, всегда содержат в себе ряд специальных понятий, использование которых позволяет сделать высказывания и утверждения о минувшем теоретически нагруженными и наполненными конкретным смыслом и содержанием.

Понятия, входящие в состав исторических повествований, одновременно выступают и как инструменты познания, и как образы исторической реальности. Например, понятия «государство», «рабство», «полис», «буржуа», «чиновник» и др., встречающиеся в исторических текстах, — это и понятия, содержащие обобщенные и сущностные признаки явлений, и слова, бывшие составной частью языка определенной эпохи, означаю-

щие вполне определенные ее реалии.

Пытаясь рассуждать о прошлом, историк не может не опираться на язык той эпохи, феномены которой стали предметом его изучения, в противном случае у него не будет никакого образа той действительности. Только имея такой образ, можно приступить к историческому познанию произошедших в ту эпоху событий. Наличие образа — шаг к познанию, но отнюдь не его конечный результат.

Всматриваясь в образ ушедшей действительности, историк может обнаружить в нем то, что присуще образам действительности другой эпохи, характерно для событий, случившихся в другом месте. Если историку открывается в образе изучаемой им исторической действительности то, что является общим для ряда исторических событий, объединяющим их в смысловом отношении, то слова, используемые историком для воссоздания облика конкретного исторического феномена, приобретают черты понятий. Чем больше в историческом повествовании использовано понятий, тем больше существенных свойств, связей и отношений, типового, обобщенного выявил историк в контексте изучения привлечшего его внимание исторического сюжета. С определенной долей условности можно даже утверждать, что историческое исследование — это путь от слов-образов, описывающих уникальное событие минувшего, к понятиям, схватывающим в неповторимом событии прошлого существенное и типовое. Вместе с тем обилие понятий в историческом по-

¹ Вригт, Г. Х. фон. Объяснение и понимание / Г. Х. фон Вригт // Логико-философские исследования: избр. тр. — М.: Прогресс, 1986. — С. 165–167.

вествовании не должно закрыть собой картину прошлого, написанную литературным языком, высвечивающим все ее детали. Создание такой картины — непреложное условие, без соблюдения которого невозможен научный поиск исторических причин, закономерностей, циклов и т. д.

Одним историкам больше удается деятельность по образному воскрешению прошлого, другим — деятельность, связанная с постижением этого прошлого с помощью аналитических средств, включающих в себя, конечно же, и понятийные. И потому одни историки уверенно себя чувствуют, проводя биографические, описательно-повествовательные, а другие — историко-генетические, историко-сравнительные исследования.

Возвращаясь к теме, затронутой в начале главы, к разговору об историко-педагогическом поиске, имеет смысл еще раз отметить, что практически весь арсенал методологических и методических средств, которым располагает историческая наука, может быть использован в процессе его осуществления. Приоритет же в отборе инструментария исторической науки для проведения историко-педагогических исследований, безусловно, в первую очередь будет отдаваться методологическим и методическим средствам, позволяющим работать с фиксированными источниками информации — различными тестами, несущими на себе отпечатки судеб образования и педагогических исканий прошлого.

Список литературы

1. Блок, М. Апология истории или ремесло историка — издание второе, дополненное / М. Блок. — М. : Наука, 1986. — 174 с.
2. Вригт, Г. Х., фон. Объяснение и понимание / Г. Х. фон Вригт // Логико-философские исследования: избр. тр. — М. : Прогресс, 1986. — 593 с.
3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод : основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер: Общая ред. и вступ. статья Б. Н. Бессонова. — М. : Прогресс, 1988. — 704 с.
4. Гемпель, К. Г. Логика объяснения / К. Г. Гемпель. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1988. — 240 с.
5. Дрей, У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке / У. Дрей // Философия и методология истории: сб. статей. — М. : Прогресс, 1977. — 337 с.
6. Кареев, Н. И. Историка: теория исторического знания / Н. И. Кареев. — Пг., 1916.
7. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. — М. : Наука, 1980. — 484 с.
8. Корнетов, Г. Б. История педагогики: теоретическое введение : учебное пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. / Г. Б. Корнетов, М. А. Лукацкий; под ред. Г. Б. Корнетова. — М. : АСОУ, 2015. — 492 с. — (Сер. «Историко-педагогическое знание». Вып. 87).
9. Про, А. Двенадцать уроков по истории / А. Про. — М. : РГГУ, 2000. — 336 с.
10. Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта при участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля; пер. с фр. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2011. — 223 с.
11. Тош, Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Д. Тош. — М. : Весь мир, 2000. — 296 с.
12. Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр. — М. : Наука, 1991. — 635 с.
13. Benoist A., de Lesidées à l'endroit. P., 1979. P. 217.